

Anal. p. 651, 691

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1873 г.

ТОМЪ VIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. БАЛАШЕВА, Больш. Садов., № 49—2.

1873.

ЕГОРЪ СТОЛѢТОВЪ.

1716—1736.

Разсказъ изъ исторіи Тайной канцеляріи.

I.

Секретарь Монса.—Казнь фаворита.—Ссыка Столѣтова и Балакирева.—Прощеніе.—Столѣтовъ на службѣ.—Дѣло Долгорукихъ.—Ссыка въ Нерчинскъ.

Преобразованіе полудикой Россіи въ полуграмотную Европу сопровождалось многими возмутительными явленіями, которыхъ были, впрочемъ, неизбѣжными послѣдствіями насильственной прививки къ жизни русской нравовъ и обычаевъ западныхъ. Однимъ изъ подобныхъ явленій были временщики, безъ которыхъ не обошлось ни одно царствованіе отъ первого до послѣдняго года XVIII вѣка, изобиловавшаго фаворитами и высокочками, своими доморощенными и заѣзжими искателями фортуны. Каждый временщикъ, слѣдомъ за собою, выводилъ въ люди, во-первыхъ, своихъ родныхъ; во-вторыхъ, своихъ приспѣшниковъ и угодниковъ. Блаженствовали они, покуда везло ихъ милостивцу; падаль онъ—и ихъ благосостояніе разбивалось въ дребезги. Милостивецъ погибалъ на эшафотѣ или хоронился въ Сибири; креатуръ его, наказанныхъ плетьми или батогами, разжалывали въ солдаты, заточали въ монастыри, ссылали въ Рогервикъ, на Оренбургскую линію, а то и дальше. И эта фантасмагорія длилась до Екатерины II; но участъ одного временщика не пугала другаго,—примѣръ предшественника не былъ наукой его преемнику.

Въ 1716 году несчастный—счастливецъ, Виллимъ Ивановичъ Монсъ, сискалъ благосклонность супруги Петра Великаго, государыни Екатерины Алексѣевны, и, затѣмъ, черезъ пять лѣтъ, достигъ той вершины могущества, выше которой для временщика оставался только... эшафотъ. Духовные іерархи, первыи вельможи заискивали милостей фаворита и его сестры, Матрены Ивановны Балкъ, не скучясь ни на взятки, ни на лесть, въ которой доходили до крайняго раболѣпства. Толпу льстецовъ и просителей Монса составляли: Бестужевъ-Рюминъ, Биронъ, Бѣлосельскій, Артемій Волынскій, Вяземскій, Головкинъ, Дашковъ (архіерей ростовскій), Долгоруковъ, Лопухинъ, Нарышкинъ, Одоевскій, Салтыковъ, Толстой, Трубецкой, Черкасскій, Шепелевъ, Шуваловъ, Юшковъ, Юсуповъ и мног. друг. Будущій кабинетъ-министръ Михаилъ Головкинъ—тогда нашъ резидентъ въ Берлинѣ—по порученію Виллима Ивановича покупалъ ему за границею парики и наряды; Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ для того-же Виллима Ивановича заказывалъ башмаки въ Митавѣ, наблюдая, чтобы башмачникъ не смѣшалъ колодки; кнѧзь Андрей Вяземскій бормилъ и холилъ лошадей фаворита; Волынскій (впослѣдствіи врагъ Бирона и нѣмцевъ)—въ 1720 г. смотрѣлъ на нихъ иными глазами: пресмыкался предъ Монсомъ не хуже прочихъ его поклонниковъ. Помимо прошеній и писемъ отъ петербургскихъ господъ, Монсъ ежедневно получалъ сотни пакетовъ изъ разныхъ городовъ Россіи, изъ чужихъ краевъ. Эта громадная корреспонденція вызвала необходимость образовать цѣлую канцеларію, которую завѣдалъ секретарь фаворита—Егоръ Михайловичъ Столѣтовъ—правая рука и конфидентъ Виллима Ивановича, не умѣвшаго писать по-русски.

Столѣтовъ, родомъ изъ небогатыхъ дворянъ, получилъ при фаворитѣ теплое мѣстечко, благодаря своему умѣнью угодить и подслужиться могучему патрону въ дѣлахъ амурныхъ, до которыхъ былъ особенно падокъ мягкосердый Виллимъ Ивановичъ. Столѣтовъ обращалъ его вниманіе на красавицу не особенно строгихъ правилъ; улаживалъ свиданія, писалъ нѣжныя пыдулки и сочинялъ эротическія стихотворенія, великолѣпно уступая авторскія права своему милостивцу. При всѣхъ этихъ достоинствахъ, Столѣтовъ умѣлъ хоронить концы въ воду и при случай-

быть нѣмъ, какъ рыба. Само собою разумѣется, что онъ, сидя секретаремъ при временщикѣ-лихоницѣ, самъ не клалъ охулки на руки и, въ свою очередь, живился приношеніями клиентовъ своего милостивца. Въ приемную Монса можно было попасть не иначе, какъ чрезъ живую заставу—чрезъ Столѣтова. Тѣ же князья и графы, именовавшіеся въ своихъ прошеніяхъ рабами Виллима Ивановича, долгомъ себѣ поставляли заискивать и у его секретаря, домогаться его расположения, задобривать Егора Михайловича презентами и доброхотными даяніями. Временщику временщика улыбалось будущее, но судьба судила иначе.

Весело встрѣтилъ Виллима Ивановича, роковой для него, 1724 годъ. Ни онъ самъ, ни его приближенные не предчувствовали готовившейся ему участіи. Осыпаемый милостями государыни Екатерины Алексѣевны и золотымъ дождемъ взятовъ, Монсъ не замѣчалъ громовой тучи, нависшей надъ его головою... Пришелъ его часъ и буря разразилась. 16-го ноября 1724 года Виллиму Монсу отрубили голову; сестру его, Матрену Ивановну Балкѣ, послѣ наказанія кнутомъ, отправили въ ссылку; сыновей ея Павла и Петра сослали въ линейные батальоны. Приспѣвники Монса: Егоръ Столѣтовъ и Иванъ Балакиревъ, послѣ тѣлеснаго наказанія (первый — кнутомъ, второй — батогами), отданные въ солдаты, были отправлены на работы въ Рогервикъ, одинъ — на десять лѣтъ, другой — на три года.....

Прощенные императрицею Екатериной Алексѣевной, они опредѣлились на службу: Балакиревъ — рядовымъ въ Преображенскій полкъ, а Столѣтовъ — ко дворцу цесаревны Елизаветы Петровны. Прежніе доброжелатели Столѣтова не отвернулись отъ бывшаго ссыльного: онъ былъ принятъ въ аристократическіе дома княгини Куракиной, кн. Долгорукихъ, Елагина; князь Михаилъ Бѣлосельскій, обязанный Монсу своей служебной карьерой, возобновилъ со Столѣтовымъ прежнія дружескія сношенія. Жива поперемѣнно то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, Столѣтовъ зорко слѣдилъ за борьбою партій того времени. Паль Меншиковъ, — возвысились Долгоруковы, и къ толпѣ ихъ льстецовъ присталъ Столѣтовъ въ надеждѣ пристроиться и, чрезъ милостивцевъ своихъ, получить видное и прибыльное мѣсто. Служба его при дворѣ цесаревны не только не давала ему ни-

какихъ существенныхъ выгодъ, но и простору его честолюбію: въ штатѣ Елизаветы Петровны, совершенно уменьшенному въ царствованіе Анны Ioannovны, Столѣтовъ игралъ самую ничтожную роль. Къ тому же, цесаревна питала къ нему непреодолимое отвращеніе, можетъ быть, за его службу Monsu, паденіе которого имѣло огромное вліяніе на отдаленіе Елизаветы Петровны отъ родительскаго престола. Точно также былъ ей ненавистенъ и Балакиревъ, занявший при дворѣ императрицы Анны Ioannovны должность шута, бывшую тогда если не почетною, то довольно прибыльною. Уволенный отъ службы при особѣ цесаревны, Столѣтовъ прильнулъ къ князьямъ Долгорукимъ, именно къ фельдмаршалу Василію Владиміровичу¹); но всѣсто чаемыхъ благости и поживы, дорого поплатился Столѣтовъ за благосклонность къ нему вельможи. Вотъ подлинныя слова указа, рѣшившаго участъ покровителя и покровительствуемаго:«Явились нѣкоторые безсовѣстные и общаго добра ненавидящіе люди, а именно, бывшій фельдмаршалъ князь Василій Долгорукій, который, презрія нашу къ себѣ многую милость и свою присяжную должность, дерзнулъ не токмо наши государству полезныя учрежденія непристойнымъ образомъ толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять, въ чемъ, по слѣдствію дѣла, изобличены; да бывшій гвардіи капитанъ князь Юрій Долгорукій²), прапорщикъ Алексѣй Барятинскій, Егоръ Столѣтовъ, которые, презрѣвъ свою присяжную должность, явились въ нѣкоторыхъ жестокихъ государственныхъ преступленіяхъ не токмо противъ нашей высочайшей персоны, но и въ поврежденію государственного общаго покоя и благополучія касающихся, въ чемъ обличены и сами признались, а потомъ и съ розысковъ въ томъ утвердились. За которыхъ ихъ преступленія, собранными для того министры и генералитетомъ, приговорены они всѣ къ смертной казни. Однако же, мы, по обыкновенной своей императорской милости, отъ той смертной казни всемилостивѣше ихъ освободили, а указали: отобрать у нихъ чины и движимое и недвижимое имѣніе, послать

¹) Родился въ 1667 году, скончался, по возвращеніи изъ ссылки, 11-го февраля 1746 года.

²) Князь Юрій Юрьевичъ, то же возвращенный Елизаветою Петровною, скончался въ 1747 году.

въ ссылку подъ карауломъ, а именно: князь Василий Долгорукова — въ Шлиссельбургъ, а прочихъ — въ вѣчную работу: князь Юры Долгорукова — въ Кузнецкъ, Барятинскаго — въ Окотскій острогъ, а Столѣтова — на Нерчинские заводы¹⁾). Страшное государственное преступление, за которое пострадали Долгоруковы и ихъ приближенные, заключалось въ нѣсколькихъ неосторожныхъ словахъ, произнесенныхъ у себя дома, въ декабрѣ 1731 г., супругою князя Василия Владимира вича. Бывшій у нихъ въ гости прінцъ Гессенъ-Гомбургскій²⁾ священнымъ долгомъ себѣ поставилъ сдѣлать доносъ, изъ котораго возникло уголовное, государственное дѣло.

Покорный своему жребію, Столѣтова подъ конвоемъ отправился въ Нерчинскъ, куда и прибылъ въ началѣ 1732 года.

II.

Деревнинъ.— Жолобовъ.— Ссыльные.— Скора на масланой.— Доносъ Бурцовъ Татищеву.— Присылка Столѣтова въ Екатеринбургъ.— Допросы.

Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Въ несчастномъ ссылномъ принятии радушное участіе Нерчинскій воевода Гаврило Федоровичъ Деревнинъ и вице-губернаторъ, статскій сопѣтникъ Жолобовъ. Чрезъ Деревнина, сестра Столѣтова Мареа, бывшая въ Петербургѣ замужемъ за Сергеемъ Нестеровымъ, мундшенкомъ царевны Елизаветы Петровны, доставляла ссылному Столѣтову деньги, бѣлье, одежду. Жолобовъ простеръ свое состраданіе къ бывшему секретарю Монса до того, что принималъ Столѣтова у себя въ домѣ, сажалъ съ собою обѣдать, игрывалъ съ нимъ въ карты и помогалъ бѣдняку въ частыхъ его нуждахъ. Но ссылка — какъ ни смягчай ее — все-таки будетъ ссылкою. Коммиссарь Тимоѳей Бурцовъ, ближайшій начальникъ Столѣтова — достойный сынъ своего времени, былъ человѣкъ крутой, безжалостный, олицетворенный шпицрутенъ. Подобными служаками было обильно царствованіе Анны Иоанновны и не въ Нерчинскѣ. Видя, что высшее начальство благоволитъ Столѣтову, Бурцовъ не смѣлъ особенно угнетать его, что, впрочемъ, не мѣшало ему придираться къ ссылному, вслѣдствіе чего между ними часто

¹⁾ «Полное собрание законовъ», т. IX, 23 декабря 1731 г., № 5,916.

²⁾ Принцъ Людовикъ Иоаннъ род. въ 1704, ум. въ Берлинѣ 12 октября 1745 г. Императрица Елизавета пожаловала его въ генералъ-фельдмаршала.

бывали ссоры. Вторичная ссылка не истребила въ сердцѣ Столѣтова надежды на времена лучшія. Онъ расчитывалъ на ходатайство сестры и зятя, если не передъ цесаревной Елизаветой Петровной, то хоть передъ кѣмъ-нибудь изъ вельможъ, которые когда-то и сами не гнушались услугами Егора Столѣтова. Въ первый же годъ своей ссылки бѣднякъ пристрастился къ водкѣ и топилъ въ ней свое горе. Этому не мало способствовала и та среда, въ которую онъ былъ заброшенъ злымъ своимъ рокомъ: большинство ссылочныхъ составляли преимущественно люди, закоснѣлые въ порокахъ, развитію которыхъ не мало способствовала и самая ссылка. Товарищами Столѣтова были высланные изъ Россіи крючковцы, подьячие и приказные, завзятые ябедники и пьяницы. Сознавая себя выше ихъ, какъ по образованію, такъ и по прежнему своему общественному положенію, Столѣтовъ не имѣлъ, однако же, на столько силы воли, чтобы не пить съ ними; они же, въ свою очередь, не могли не нарадоваться, что могутъ съ дворяниномъ обходиться, какъ со своей ровней.

На масляной 1733 года комиссаръ Бурцовъ, вмѣстѣ со Столѣтовымъ, былъ на обѣдѣ въ деревнѣ Выше-Агинской, у приписанного къ заводамъ крестьянина Ивана Патрина. Кромѣ упомянутыхъ лицъ, были тутъ еще многіе гости и въ томъ числѣ подьячие: Петръ Ковригинъ и Федоръ Сургутской. Покуда пили умѣренно, бесѣда шла чинно; хватили черезъ край—и поднялись споры и шумъ. Охмѣлѣвшій Столѣтовъ пустился что-то рассказывать. Не менѣе его подгулявшій хозяинъ сказалъ ему фамильярно:

— «Ты врешь, Егорка!»

Столѣтовъ обидѣлся и пустилъ въ хозяина калачемъ.

— «Напрасно такъ величаешься,—замѣтилъ ему Сургутской,—напрасно хозяина обижашь. Ты не лучше насъ. Хотя и мы подъ гнѣвомъ ея величества, токмо я тебя лучше. Объ насъ такого манифеста, какъ объ васъ, «сущихъ шельмахъ», не выдано!»

— «Не мнѣ одному безчестье!» крикнулъ Столѣтовъ.

— «А кому же еще? Кому?» присталь Сургутской.

— «Только и не хватало этого!» вѣвъ себя шумѣль Столѣтovъ. «Подьячий меня ругаетъ!..»

Вставъ изъ-за стола, онъ бросился къ дверямъ и, не смотря на увѣщенія Бурцова, вышелъ на улицу и прибѣжалъ на заводъ,

отстоявши отъ деревни на 15 верстъ. Хмѣльной, усталый, онъ повалился на постель и уснулъ глубокимъ сномъ. Удалили въ заутрени. Бурцовъ, не видя въ церкви—Столѣтова, дважды послыпалъ за нимъ своего прислужника; чо еще не отрезвившійся, Столѣтова отговорился нездоровьемъ и въ заутрени не пошелъ. А день былъ высокоторжественный: 3-е февраля, тезоименитство государыни императрицы Анны Ioанновны.

Проспался Столѣтова; прошелъ хмѣль, но не прошла досада на обидчиковъ. Онъ отправился въ церковь, отстоять обѣдню, и приглашенный Бурзовымъ въ столу, жаловался комиссару на Патрина и Сургутскаго, прося взыскать съ нихъ божество. Бурцовъ отвѣчалъ, что ссылному предъявлять исковъ не слѣдуетъ; а что Столѣтова у заутрени не былъ—этого онъ, Бурцовъ, ему не простить. Эти слова не были пустой угрозой: комиссарь зорко следилъ за Столѣтовымъ и донесъ о немъ новому начальнику заводовъ — Татищеву, какъ о человѣкѣ «подозрительномъ».

Василий Никитичъ Татищевъ—просвѣтитель Сибири, нашъ знаменитый историкъ, оцѣненный по заслугамъ—отнесся въ дѣлу Столѣтова совершенно съ бироновской точки зрѣнія и взялъ на себя гиусную роль инквизитора, чуть не запечнаго мастера. Извѣтъ свой на Столѣтова Бурцовъ сдѣлалъ въ декабрѣ 1734 года; въ февралѣ слѣдующаго 1735 года Татищевъ приступилъ къ разыску. Началъ онъ съ допроса Бурцова, входя въ мельчайшія подробности касательно ссоры Столѣтова съ Сургутскимъ на масляной 1733 года и небытности первого у заутрени 3-го февраля. Затѣмъ Столѣтова, по распоряженію Татищева, въ кандалахъ, подъ карауломъ, былъ истребованъ съ Аргунского завода; имущество его опечатали. Одновременно съ этимъ, начальничь заводовъ приказалъ взять подъ караулъ подьячихъ: Петра Ковригина и Федора Сургутскаго. 24 июля Столѣтова и Ковригинъ были доставлены въ Екатеринбургъ; Сургутской, посланный въ камчатскую экспедицію, доставленъ быть не могъ. На другой день происходилъ допросъ Столѣтова. Слѣдователь прежде всего спросилъ: чего ради Егорка Столѣтова не ходилъ въ церковь въ царскіе дни? Несчастный отвѣчалъ, что въ церкви не было только 3-го февраля 1733 года и подробно рассказалъ о своей ссорѣ въ домѣ Патрина. Тѣмъ бы и покончить допросы,

ограничася внушенiemъ ссыльному впредь не напиваться... Нѣть! Извъ одного вопроса возникали десятки другихъ, опутавшихъ Столѣтова по рукамъ и по ногамъ.

— «Кого ты разумѣлъ лучше тебя въ томъ обиженнia?»

— «Князей Долгорукихъ: Василья, Юрья, да Баратинскаго.— Говорилъ Бурцову, что хотя нынѣ князь Василий и умеръ...».

— «Кто тебѣ это сказывалъ?»

— «Вице-губернаторъ Жолобовъ».

— «Чѣмъ ты грозилъ комиссару Бурцову?»

— «Никогда не граживаль, а говорилъ: хотя щука умерла, да зубы цѣлы, въ томъ разумѣніи, что сестра моя родная, Марея, за мундштенкомъ ея высочества государыни цесаревны, за Сер-гѣемъ Несторовимъ».

Туть Столѣтовъ чистосердечно показалъ, что надѣется на помилованіе, въ случаѣ брака или коронованія принцессы¹⁾.

— «Съ чего ты о бракѣ и о коронаціи говорилъ?»

— «Мнѣ сказывалъ по секрету Михаилъ Вистицкой».

— «Отъ сестры было тебѣ какое обнадеживанье на словахъ, или на письмѣ?»

— «Никогда и никакого. Она прислала мнѣ денегъ чрезъ нерчинскаго воеводу Гаврилу Деревину».

— «Были-ли тебѣ какія милости отъ другихъ?»

Столѣтовъ назвалъ Жолобова и отъ слова до слова передалъ свои разговоры съ нимъ о придворномъ штатѣ цесаревны Елизаветы Петровны. Жолобовъ выразилъ желаніе получить мѣстечко при ней, сказавъ, что не пожалѣть подарить за то 2,000 червонцевъ Ягужинскому. Потомъ, похвальяясь своими денежными средствами, показалъ 300 рублей, полученныхъ отъ комиссара Бурцова по дѣлу боярского сына Бѣлокопытова...

— «Какое это дѣло?»

— «Жолобовъ сказывалъ: вина не велика; говорили, что бабы городами не владѣютъ...»

Отведенный подъ арестъ послѣ допроса, Столѣтовъ, чрезъ караульного сержанта, просилъ дать ему бумаги и расковать руки для написанія прозкта о торговлѣ съ Китаемъ, которая можетъ дать въ казну свыше 100,000 рублей ежегодно. Этимъ

¹⁾ Аны Леопольдовны.

бдный арестантъ надѣлся снискать милость Татищева. Желаніе Столѣтова исполнили, и онъ довольно несложно изложилъ, что эта выгодная торговля заключается въ обмѣнѣ листового табаку и пороху на лошадей тунгусовъ и въ продажѣ лошадей китайцамъ... Проектъ не дѣлалъ чести изобрѣтательности Столѣтова и, не обративъ на него вниманія, начальство распорядилось постройкою за городомъ двухъ избъ, да сарая, т. е., «застѣнка» для производства «розыска». Къ девятому числу августа мѣсяца 1735 г. избы и сарай были отстроены: следователи могли теперь отъ «слова» перейти къ «дѣлу», отъ устныхъ допросовъ — къ пыткамъ.

III.

Печки и дальнѣйшіе разспросы.— Рапортъ Татищева.— Лица, оговоренные Столѣтовымъ.— Послѣднее донесеніе Татищева.

Покуда строился застѣнокъ, Татищевъ допрашивалъ Вистицкаго, приведенного изъ Самарова-яму, а Столѣтовъ написалъ повинную, въ которой изложилъ все, до того времени имъ показанное на допросахъ. Татищевъ напомнилъ ему, что въ случаѣ утайки, онъ, Столѣтовъ, будетъ подвергнутъ жесточайшимъ пыткамъ. Въ избыткѣ усердія Татищевъ не погнулся даже мѣрою, противною постановленіямъ церковнымъ. Арестантъ пожелалъ исповѣдаться: Татищевъ, посыпая къ нему священника, наказалъ послѣднему не слушать исповѣдника, въ случаѣ, если тотъ «станетъ сказывать что тайности подлежащее...». Священникъ повиновался, а Столѣтовъ написалъ вторую повинную, пространнѣе первой, припутавъ къ своимъ прежнимъ показаніямъ нѣсколько новыхъ, имѣвшихъ отношеніе или къ его бытности еще въ Петербургѣ, или къ служебнымъ упущеніямъ провожавшихъ его конвойныхъ. Основываясь на этихъ показаніяхъ, Татищевъ допрашивалъ подьячаго Ковригина, Бурцова, конвойнаго сержанта Перецовдикова, солдатъ: Носова и Растрокова.

Августа 9-го, въ пятомъ часу пополудни, Столѣтовъ былъ пытанъ: полчаса висѣлъ на висѣ; получилъ 40 ударовъ; висѣлъ еще часть... И вотъ показанія, вмѣстѣ съ воплями исторгнутыхъ изъ груди пациента.

— «Гофмейстеръ Андреянъ Елагинъ называлъ князя Василья Долгорукаго маткою бунта. Иванъ Балакиревъ го-

ворилъ, что цесаревнѣ¹⁾ быть на престолѣ. Камерюнгфера Анна Пика, по поводу кончины царевны Анны Петровны, сказала: «и вѣй помрутъ!». Елагинъ говорилъ, что цесаревну князь Василий и народъ любить, а сестра юя (Мареа Нестерова) припоминала слова цесаревны, по поводу присяги императрицы Анны Ioannovnѣ: «народъ наизъ давно душу свою чорту отдалъ». Самъ я (Столѣтовъ) у присяги не былъ «съ презлобства и пьянства.. Когда цесаревнѣ отрѣшили годовую дачу, служители ея о томъ печалились и «весьма были недовольны....»

Наконецъ, невыносимыя муки вынудили у Столѣтова еще одно странное признаніе: до сихъ поръ истязаемый винился въ дѣлахъ и словахъ, теперь повинился въ помыслахъ:

— «Я еще того тяжчай о государынѣ императрицѣ думалъ и сказалъ что, чести касающеся, въ томъ упомянуль графа Бирона; а говорилъ съ князь Михаиломъ Бѣлосельскимъ, какъ онъ прїѣхалъ отъ царевны Екатерины Ioannovnѣ²⁾, сказалъ, что съ нимъ говорено было!»

На другой день (10-го августа) Столѣтова спросили только, не назоветъ-ли онъ еще кого, дерзавшаго что говорить противъ «Богомъ избранія ея императорскаго величества?». Отвѣтъ былъ отрицательный. Въ слѣдующіе дни, Татищевъ при допросахъ обращалъ особенное вниманіе на политическую сторону дѣла, нравственно и физически выпытывая у Столѣтова о его прежнихъ отзывахъ и помыслахъ касательно императрицы, ея сестры, племянницы, герцога Голштинскаго, малолѣтняго его сына, наконецъ, цесаревны Елизаветы Петровны. Что же вывѣдалъ мучитель у своей жертвы? Приводимъ показанія Столѣтова въ томъ порядке, въ которомъ онъ отвѣчалъ на вопросы.

— «Ты желалъ быть на престолѣ сперва цесаревнѣ, потомъ принцессѣ?»

— «До ссылки моей желалъ цесаревнѣ; потомъ, когда комиссаръ Дамесъ сталъ со мною жестоко обходить, то «я стала

¹⁾ Елизавета Петровнѣ.

²⁾ Старшая сестра императрицы Анны Ioannovnѣ, супруга герцога Мекленбургскаго, мать Анны Леопольдовны. Она скончалась въ 1733 году. По отзывамъ современниковъ была некрасива собою: тохста, неуклюжа, съ грубыми манерами и голосомъ. Мекленбургскіе придворные дали ей прозвище дикой герцогини (Die wilde Herzogin).

въ разумъ приходитъ», особенно вспомнилъ слова, сказанныя мнѣ Николаемъ Строгановыи въ Москвѣ: «дай Боже, чтобы государыня императрица долго здравствовала и принцессу выдала замужъ; а когда у нихъ дѣти будутъ, то-де прямая рать (отрасль) и благополучие Россійское будетъ!»

— «Что ты говорилъ съ Жолобовымъ о цесаревнѣ, о герцогѣ?»

— «Жолобовъ говорилъ: сказывалъ намъ Иванъ Бибиковъ, какъ ѿздили по тѣло цесаревнину¹⁾, что герцогъ-де не престанно въ слезахъ и только-де говорить: «въ беззаконіи зачать есмь и во грѣхъ роди меня мати моя!» Потомъ Жолобовъ сказалъ: «правда, есть по комъ плакать: жена была всѣхъ его лучше и вся-де въ отца была....» И затѣмъ заплакалъ Жолобовъ».

— «О принцѣ²⁾ ты говорилъ, что онъ народъ русскій любить, а при Бибиковѣ ему было менѣе полугоду?»

— «Такъ я слыхалъ отъ Петра Суморокова и Льва Кайсарова. Въ дополненіе къ тому, что я говорилъ о неудовольствіи служителей цесаревны, скажу еще. Алексѣй Шубинъ³⁾ имѣть при дворѣ ся высочества многихъ себѣ согласниковъ (приверженцевъ), когда же онъ былъ посланъ въ Рогервикъ, или ино куда, тогда и его пріятелямъ нѣкоторымъ стало не такъ доходно, и я говорилъ Григорию Будакову: не можетъ-ли помочь, чтобы мнѣ хотя малое жалованье дать? На то онъ мнѣ сказалъ: «намъ, братецъ, самимъ какое жалованье!» Потомъ сестра моя сказывала: говорить-де государыня цеса-

¹⁾ Старшей дочери Петра Великаго, Анны Петровны, супруги герцога Голштинского. Свадьба ея была 21-го мая 1725 года; 4-го марта 1728 года, въ Еккѣ, она родила сына (будущаго императора Петра III Феодоровича), а 15-го мая того же года скончалась. Погребена въ Петербургѣ, въ соборѣ Петропавловской крѣпости.

²⁾ Сынъ Анны Петровны; впослѣдствіи императоръ Петръ III.

³⁾ Приближенный цесаревны Елизаветы Петровны Алексѣй Никифоровичъ Шубинъ, сынъ бѣднаго дворянинна Владимиrosкой губерніи, служиль рядовыми въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. За неосторожно высказанное слово о правахъ Елизаветы на престолъ, Шубинъ былъ взятъ въ тайную канцелярию: послѣ жестокихъ пытокъ и наказаний кнутомъ, его подъ чужимъ именемъ сослали въ Каичатку и насильно женили на камчадалкѣ. По восшествіи на престолъ, Елизавета Петровна приказала разыскать Шубина, вызвала его въ Петербургъ и пожаловала ему чинъ генераль-маиора и орденъ св. Александра Невскаго; сверхъ того 2,000 душъ крестьянъ.

ревна — «какъ Долгорукіе были и меня гнали, такъ-де такой обиды мнѣ не сдѣлали, какъ-де я нынѣ изобижена!» А разумѣла обиду, что Шубина сослали и въ деньгахъ отказали. Еще сестра говорила: кабы цесаревна сама въ государынѣ искала, такъ бы она ей всѣхъ друзей лучше быть могла, на которыхъ она надѣется!»

Августа 19-го происходилъ передопросъ Столѣтова, однако же, безъ пытокъ. Въ этотъ день Татищевъ получилъ изъ Петербурга бумагу, не совсѣмъ пріятнаго содержанія, явствующаго изъ доношенія усерднаго слѣдователя:

«Сего августа 19-го (1735 г.) получилъ я изъ С.-Петербургa, отъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ вашего императорскаго величества указъ, въ которомъ написано, съ повелѣніемъ ихъ сіѧтельствъ господъ министровъ, что яко бы я, безъ указа, въ розыски важныхъ дѣлъ вступиль, въ которые бы вступать мнѣ не надлежало, и хотя я сначала отъ великаго страха не могъ опамятоваться и того числа изготовленный Столѣтovу розыскъ остановилъ, но нынѣ едва опамятовался, мнию, что объ ономъ вашего императорскаго величества присланномъ мнѣ о Столѣтovѣ и другихъ указѣ, какъ господамъ министрамъ, такъ и въ тайной канцеляріи неизвѣстно, и для того вчера еще имъ, Столѣтovымъ, розыскивалъ жестоко, тоико, почитай, болѣе прежняго ничего не показалъ, тоико то изъясниль, что всегда о цесаревнѣ думаль и надѣялся, доколѣ его Дамесь (мнию, по посланному отъ меня указу) въ работу опредѣлиль, а прочее все за истину утверждается.

«Въ тайную же канцелярію хотя я другихъ, яко Мозолевскаго и распопы (?), допросы подлинные послалъ, однако-же, о Егоркѣ и о томъ указѣ ничего точно въ оправданіе мое показать не смѣль, а написалъ кратко, что я то учинилъ по указу вашего императорскаго величества.

«Того ради, всеподданнѣйше вашего императорскаго величества прошу объ ономъ, какъ мнѣ впредь поступать, всемилостивѣйшимъ указомъ опредѣлить, дабы я отъ невѣдѣнія, противъ моего желанія, чѣмъ ваше величество на гнѣвъ не привель». (Далѣе Татищевъ пишетъ о положеніи горнозаводскихъ дѣлъ. Доношеніе писано изъ Екатеринска, отъ 22-го августа 1735 г.).

Августа 20-го Егорка Столѣтovъ былъ пытанъ въ другой

разъ: висѣть полчаса на вискѣ; потомъ изрѣдка даю ему было 300 ударовъ. Онъ не показалъ ничего новаго; просилъ до завтра дать ему одуматься. На другой день синь припомнить, что ронялъ на приговоръ суда; показалъ еще нѣчто новое о князѣ Михаилѣ Бѣлосельскомъ. «Когда князь былъ за государынею цесаревною въ походѣ (на богомолье) у Троицы, то воротясь въ Москву, сказывалъ мнѣ наединѣ: государыня-де царевна сказывала ему, князь Михайлу, что «государыня-де императрица дышится сама, какъ Богъ пронесъ безъ бунта во время выбора». А болѣе того тогда ничего не говорилъ. Да онъ же, князь Михайла, сказывалъ ему, Егоркѣ, тогда, какъ увидѣлъ, что во двору цесаревны-государыни болѣе надежды уже не имѣлъ: этому причина, что я съ царевною неосторожно издѣвался, а государыня цесаревна увидѣла».

Опять допрашивали конвойныхъ солдатъ и сержанта, давая очные ставки со Столѣтовымъ. Онъ уличалъ ихъ въ небрежномъ надзорѣ за арестантами во время ихъ слѣдованія изъ Нерчинска въ Екатеринску. Конвойные пьянствовали, сержантъ дѣялъ поборы съ крестьянъ для продовольствія команды, чтобы присвоить порціонныхъ деньги; сажалъ на одну лодку съ арестантами постороннихъ путниковъ и т. д. Эти жалобы Столѣтова, хотя и основательны, были, съ его стороны, обычнымъ приемомъ подсудимаго, который радъ случаю чѣмъ-нибудь досадить своимъ притѣснителямъ. Сержантъ дорогого подчигивалъ Столѣтова водкою; Столѣтовъ не отказывался, но въ застѣнкѣ все-таки жаловался на эту служебную нерадивость конвойнаго. Это тѣмъ менѣе удивительно, что пытки принудили Столѣтова оговорить даже зятя и родную сестру, ему благотворившихъ. Страшенье было Василий Никитичъ Татищевъ Егоркѣ Столѣтovу, но, по-жалуй, не менѣе того и самому судѣ былъ страшенье подсудимый. Производя допросы, давая очные ставки, составляя экстракты изъ показаний, Татищевъ, въ то же время, желалъ поскорѣе сбыть съ руки Егорку, довѣривъ окончаніе дѣла петербургскимъ «инквизиторамъ», какъ именовались дѣятели тайной канцелярии. Еще въ донесеніи своемъ, отъ 16-го августа 1735 г., императрицѣ Аннѣ Ioannovnѣ, Татищевъ писалъ слѣдующее¹⁾:

¹⁾ Приводимъ это донесеніе съ общимъ перечнемъ всѣхъ допросныхъ пытокъ и преступлений, въ которыхъ Столѣтovъ сознался подъ пытками.

•По указу вашего императорского величества Егорка Столетова привезенъ сюда іюля 24-го числа и, по многимъ разспросамъ, по двумъ повиннымъ и съ пытки, хотя плутовскими ворарствы закрывалъ и таилъ, но, елико возможно изъ такого плута вытянуть,—показалъ: 1) Что онъ не тою о вашемъ здравіи молиться не хотѣлъ, или молился притворно, но и весьма того не желалъ. 2) Желалъ и надѣлся быть цесаревнѣ (Елизаветѣ) на престолѣ и въ той надеждѣ Бурцова и другимъ грозилъ. 3) О вашемъ императорскомъ величествѣ поносно говорилъ, которого я въ разспросѣ точно писать не могъ и ему говорить запретилъ. 4) Онъ никогда не присягалъ, а хотя одново покойной императрицѣ присягалъ, и то по особливому страху. 5) Созѣтствовалъ или слышалъ непристойности отъ Андреяна Елагина, князь Михайла Бѣлосельского, каморъ-юнфоры ея высочества Анны Пикѣ, отъ сестры своей Марены Нестеровой, отъ Ивана Балахирева, Алексѣя Жолобова, которое въ приложенномъ экстрактѣ обстоятельно показано. 6) Здѣсь онъ показывалъ на Бурцова, да онъ, почитай, во всѣхъ оправдался. 7) На Мирона Вистицкаго: но онаго послать я нарочнаго. 8) На сержанта, кой его везъ: онъ тако-жъ оправдается. 9) На содатъ, кои провожали: по оныхъ тако-жъ въ Нерчинскъ послать.

•Оный экстрактъ хотя я съ великой прилежностью сочинялъ, смотря, чтобы не проронить, излишнаго не писать и ясно истину донести; однако-жъ, какъ оное, а паче его повинная весьма ворарно, скрытно, но и съ ненадлежащимъ смѣшавъ писаны, я же въ моемъ здоровъ слабъ и въ томъ самъ себя опасаюсь: довольно-ль я то сдѣлалъ, подлинныхъ же до указа вашего величества послать не смѣль, а понеже мню, что ему, для улики оныхъ, ежели будетъ запираться, надобно тамъ быть, здѣсь же для провожанія людей способныхъ нѣть и повѣрить опасаюсь. Того ради, не соизволите-ль ваше величество по него послать надежнаго человѣка и подлинное дѣло взять, а между тѣмъ еще стану изъ него подлиннѣе вытягивать, и хотя онъ сначала меня весьма уничтожалъ, надѣясь, что здѣсь розыскивать не буду, но каєтъ я ему точно изъ указа прочель, то онъ тотчасъ сталь ближе истины показывать, однако-жъ, мню, что онъ еще въ той надеждѣ нѣчто скрываетъ, ибо вчера мнѣ сказалъ: «да вѣдь-де мнѣ тамъ быть же»; а понеже послѣдній допрошь въ выписку

внести не успѣть, того ради онъ, точно списавъ, при семъ же посыплю». Изъ Екатеринска, августа 16-го числа, 1735 года. Послано съ капраломъ Даниломъ Кузнецовымъ, пополудни въ седьмомъ часу.

IV.

Присылка Столѣтова въ Петербургъ.—Тайная канцелярия.—Князь Бѣлосельский.—Мареа Нестерова.—Новые показания Столѣтова.

13-го ноября 1735 года, колодники: Егоръ Столѣтовъ, комиссарь Тимоѳей Бурцовъ, надзиратель Миронъ Вистицкій, сержантъ Федоръ Переводчиковъ, солдатъ Никита Растроковъ, были привезены въ Петербургъ. По случаю шедшаго по Невѣ сильнаго льда перевезти арестантовъ въ тайную канцелярию не было возможности, и потому они, по распоряженію генерала и кавалера и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подполковника и ея императорскаго величества генераль-адъютанта Андрея Ивановича Ушакова, временно были помѣщены, подъ крѣпкимъ карауломъ, въ лѣтнемъ ея императорскаго величества дворѣ. 27-го ноября колодники были переведены въ тайную канцелярию. Розыски начались съ 23-го февраля 1736 года. Три мѣсяца дано было узникамъ, чтобы собраться съ силами для новыхъ допросовъ, а съ ними, разумѣется, и пытокъ.

Первый вопросъ, заданный Ушаковымъ Столѣтову, былъ о юмъ, что онъ «тяжчаѣ» показанного въ Екатеринбургѣ думаль о государынѣ императрицы? что говорилъ о чести ея касающееся съ князь Михаиломъ Бѣлосельскимъ, упоминая графа Бирона и царевну Екатерину Ioannovnu?

Столѣтовъ отвѣчалъ, что еще до ссылки его на заводъ по дѣлу Долгорукова, въ бытность въ Москвѣ у своего друга, князя Михаила Бѣлосельского, онъ слышалъ отъ послѣдняго, будто толь съ царевною Екатериною Ioannovnoю живеть въ любви. При этомъ Бѣлосельскій показывалъ ему, Столѣтову, письма, писанныя къ нему собственною ея рукою, которыя письма Столѣтовъ читалъ. Въ нихъ царевна приглашала Бѣлосельского къ себѣ, напоминая ему обѣ оказанной князю милости (о подаркѣ 1,000 рублей). Кроме того, Бѣлосельскій говорилъ своему другу: «государыня-де царевна сказывала мнѣ секретно, что-де Биронъ съ сестрицею (Анною Ioannovnoю) живеть въ любви; онъ-де живеть съ нею по-нѣмецки, чиновно....»

Послѣ того, по словамъ Столѣтова, князь Михаилъ Бѣлосельскій просилъ его достать изъ аптеки такого лекарства, чтобы, когда оно потребуется, Бѣлосельскому быть.... молодцоватымъ. Столѣтова, «отъ простоты своей», обѣщалъ услужить другу подобнымъ снадобьемъ и обратился къ родственнику зятя своего, Сергѣю Нестерову,— Никитѣ Нестерову, солдату лейб-гвардіи Преображенскаго полка, сказавъ ему, что одинъ его пріятель недавно женился, но къ супружескому дѣлу неспособенъ, и потому не достанетъ-ли Нестеровъ изъ аптеки лекарства отъ этого недуга? Нестеровъ обѣщалъ, но послѣ, встрѣтивъ Столѣтова, сказалъ ему, что подобного лекарства изъ аптеки безъ порука не отпускаютъ. Тоже сказалъ и Столѣтова своему другу, при свиданіи съ княземъ Михаиломъ Бѣлосельскимъ.... «Иной, тягчайшей думы о ея императорскомъ величествѣ я не имѣль!» заключилъ Столѣтова свое показаніе. Однако же, перебирая въ своей памяти событія временъ давно минувшихъ, онъ оговорилъ еще нѣсколько лицъ, къ настоящему дѣлу никакъ не причастныхъ. «Въ 1730 году, послѣ коронованія государыни императрицы, былъ я въ домѣ у княгини Маріи Куракиной, у которой бывалъ и прежде, вмѣстѣ съ Бѣлосельскимъ. Тогда же былъ у княгини ея пасынокъ, князь Александъръ Куракинъ, и увида меня, неизвестно чего ради, сидя на кровати, говорилъ: «государамъ бываетъ избрание отъ министровъ!» А я сказалъ: «Нѣть, не отъ министровъ, а это дѣло Божіе....»—«А нынѣшнюю императрицу къ избранію зять мой, князь Михайло Михайловичъ¹⁾, потрудился!» замѣтилъ Куракинъ. Кромѣ этого, другихъ разговоровъ между нами не бывало, хотя мы и встречались у князя Михаила Бѣлосельскаго. Куракинъ мною гордилъ (т. е. гордился). Еще вспомнилъ — продолжалъ Столѣтова — уже въ бытность мою въ ссылкѣ, прибывшій изъ Иркутска комиссаръ Миронъ Вистицкой передалъ мнѣ поклонъ отъ ссыльного Николая Чамадурова, генеральс-адъютанта князь Василья Долгорукова. Съ чего онъ мнѣ кланялся? Разъ въ жизни, въ Москвѣ, я его просилъ о сводѣ постою со двора крѣпостныхъ дѣль надсмотрщика Бе-

¹⁾ Фельдмаршалъ князь Михайло Михайловичъ Голицынъ, женатый на княжнѣ Татьянѣ Борисовнѣ Куракиной. Онъ родился 1-го ноября 1675 года, скончался и похороненъ въ селѣ Братовщинѣ, подъ Москвою, 10-го декабря 1730 года, куда былъ удаленъ отъ двора.

корюкова, а исполнилъ-ли онъ мою просьбу, и того не знаю. Еще скажу на счетъ словъ Алексея Жолобова: что «Голштинский молодой принцъ къ русскимъ людямъ ласковъ», тогда я подумалъ: если любить принцъ русскихъ людей, можетъ впредь быть въ Россіи государемъ; тогда и государыня цесаревна оживеть!

— «Что можешь сказать о Балакиревѣ?» спросилъ Столѣтова неутомимый Ушаковъ.

— «До моей ссылки, бывши у меня на квартирѣ въ Москвѣ, Балакиревъ говорилъ: «государыня царевна Екатерина Ioannovna изволить сомнѣваться въ Петербургѣ Ѳхать. Ей Архиповичъ говорилъ, что она въ Петербургѣ скончается!». Я сказалъ на это: какой-де Архиповичъ пророкъ! Чего царевнѣ опасаться? Дай ей Богъ здравствовать».

24-го февраля 1736 г. былъ разспрашиванъ князь Михайло Бѣлосельскій, оговоренный Столѣтовымъ. Вотъ сущность его отвѣтствъ:

— «Со Столѣтовымъ познакомился я, когда онъ былъ при Вильгельмѣ Монсѣ, и съ того времени дружны были. Объ иска-
ніяхъ моихъ быть придворнымъ кавалеромъ царевны Екатерины Ioannovны я Столѣтову никогда не говорилъ. Когда, въ 1731 г., я уѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ, Столѣтовъ пріѣзжалъ ко мнѣ проститься и со мною вмѣстѣ ходилъ въ церковь для слу-
шанья молебна напутственного. Онъ говорить, будто я, услыхавъ звонъ, сказалъ: «точно набатъ.... не къ бунту-ли? я бы радъ быть!» Это неправда. И то ложь, будто я прибавилъ: «нашей брати, кои тому рады, человѣкъ съ триста». На скучу Ѳхать въ Петербургѣ я и не думалъ жаловаться. Вѣль-ли я съ нимъ переписку—не помню, равно какъ и о томъ, говорилъ-ли когда-нибудь съ нимъ, чей родъ важнѣе: Голицыныхъ или Долгорукихъ. У Троицы я былъ съ покойнымъ генераль-губернаторомъ Василемъ Федоровичемъ Салтыковымъ. О словахъ госу-
дарыни императрицы про бунтъ Столѣтову не говорилъ».

Тутъ князю Бѣлосельскому было прочитано показаніе Столѣ-
това о событияхъ, сопровождавшихъ избрание императрицы Анны Ioannovны, разскажъ о которыхъ Столѣтовъ слышалъ отъ Бѣлосель-
ского: «Какъ былъ выборъ государыни въ сенатѣ, такъ Иванъ Алексеевичъ Мусинъ-Пушкинъ сказалъ: «а цесаревна Елиса-
вета Петровна?» Такъ князь Михайло Михайловичъ Голицынъ

сказаль: «та-де побочная» и всѣ закричали, что царевна Анна Иоанновна! Развѣ девяностый годъ вспомнить хотите.... того году бунтъ быль! И Иванъ Алексѣевичъ, чаю, радъ быль, что изъ сената вышелъ, чтобъ не убили!»

— «Ничего подобнаго Столѣтову я не говорилъ!» отвѣчалъ Бѣлосельскій. «Мусина-Пушкина тогда и въ живыхъ не было. Отъ царевны Екатерины Иоанновны я получилъ 1,000 рублей, правда; говорилъ о нихъ Столѣтову, выхваляя ея милость ко мнѣ, прочаго же о царевѣ никогда и ничего не говорилъ, ибо ничего подобнаго никогда не бывало!»

Въ шестомъ часу вечера дана была Столѣтову очная ставка съ княземъ Михаиломъ Бѣлосельскимъ. Каждый изъ нихъ подтверждалъ истину своихъ показаній страшною клятвою: «подвергая себя не токмо смертной казни, но и вѣчной церковной клятвѣ и въ будущемъ вѣкѣ мученію». На всѣ показанія князя Столѣтова отвѣчалъ отрицательно. Ко всему, прежде сказанному, Столѣтовъ прибавилъ нѣсколько новыхъ подробностей: 1) Бѣлосельскій былъ замѣшанъ въ какомъ-то дѣлѣ, которое рассматривалось въ Преображенскомъ приказѣ, но его выручилъ князь Иванъ Федоровичъ Ромодановскій. 2) Посредникомъ царевны Екатерины Иоанновны въ ея сношеніяхъ съ Бѣлосельскимъ былъ ея служитель Данилычъ Гурчанинъ. 3) Прервавъ сношенія съ Бѣлосельскимъ, царевна приказала ему всѣ писанныя къ нему письма свои сжечь. 4) Бѣлосельскому въ его интригѣ помогала сестра его, княжна Козловская, по мужу Еворская. Царевна видѣлась съ княземъ въ ея квартирѣ.

Очная ставка окончилась арестомъ князя Михаила Бѣлосельского съ отдачею его подъ караулъ, съ содержаніемъ въ Тайной канцеляріи. Для прислуги къ нему приставленъ былъ его человѣкъ, Степанъ Грановскій, за которымъ приказано было имѣть строжайшій надзоръ.

Въ слѣдующіе дни (съ 24-го по 28-е февраля) въ Тайной канцеляріи были допрашиваемы прикосновенные къ дѣлу: кабинет-курьеръ Александръ Сухачевъ, комиссаръ Тимоѳей Бурцовъ, сержантъ Федоръ Переходчиковъ, солдатъ Никита Растровокъ.

Высочайшимъ указомъ, 28-го февраля 1736 года, повелѣно было: «Означенному Сухачеву, за происшедшія отъ него иѣкото-

тия слова, учинить наказанье: бить плетью нещадно и по ученины того наказанья написать его въ напольные полки въ солдаты до выслуги, и для того отослать его въ военную коллегию». Вся вина кабинетъ-курьера заключалась въ томъ, что въ 1734 г., проездомъ чрезъ Иркутскъ и Красноярскъ, онъ сказалъ въ первомъ городѣ Вистицкому, а во второмъ—воеводѣ Баклановскому о предстоящемъ бракосочетаніи принцессы Анны Леопольдовны.... и только! Сказалъ о томъ въ Сибири, о чёмъ тогда говорила вся Россія. Допросы, чиненныя Бурцову и конвойнымъ, подтвердили ихъ дисциплинарную провинность: слабый надзоръ за арестантами. Наказаніе, въ данномъ случаѣ заслуженное, сравнительно было опредѣлено легчайшее.

8-го марта 1736 г. проходилъ допросъ сестры Столѣтова, Мареи Нестеровой и мужа ея Сергея. Вотъ подлинныя ея отвѣты.

— «До ссылки своей, братъ мой Егоръ жилъ при домѣ благовѣрной государыни цесаревны Елизаветы Петровны. О восшествіи на престолъ императрицы Анны Ioannovны, не помню, когда именно, но я говорила брату: «исполнилъ Господь Богъ свою евангельскую притчу: «вмалъ бысть еси въренъ, надъ многими тя поставилъ. Прежде надъ малымъ княженіемъ тебя владѣтельницею поставилъ, а усмотря твое достоинство, учинилъ самодержцею и надъ всею Россіею». Отвѣчалъ-ли мнѣ что на это братъ мой—не помню. Спроста я говорила моему брату о словахъ цесаревны: «руsskій народъ свою душу давно чорту отдалъ». Цесаревна произнесла ихъ, будучи въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, при служителяхъ и я сама тѣ слова слышала».

Спросили Марею Нестерову: «говорила-ли она съ братомъ о правахъ молодаго Голштинскаго принца на русскій престолъ? отвѣчалъ-ли ей Столѣтовъ, что свой лучше, нежели чужой?»

— «Можетъ быть и говорили мы», отвѣчала Нестерова, «не помню. Точно также не помню, говорила-ли я когда съ братомъ о томъ, что цесаревна его не жалуетъ, хотя онъ готовъ умереть за нее».

Сергей Нестерова спросили: сѣтовалъ-ли онъ со Столѣтовымъ на то, что около императрицы все нѣмцы, а не русскіе служить? Нестеровъ отвѣчалъ отрицательно. На очныхъ ставкахъ съ заемъ, и съ сестрою, Столѣтовъ не только не спорилъ съ ними,

но даже отрекся отъ одного изъ прежнихъ показаний, будто слышалъ отъ сестры, что цесаревна печалится о ссылкѣ Шубина: не могла ему этого Мареа говорить, ибо ея въ то время и въ Москвѣ не было. Вообще изъ рѣчей Столѣтова на очныхъ ставкахъ съ Нестеровыми замѣтно было, что онъ жалѣетъ родныхъ и, по мѣрѣ возможности, старается выгородить ихъ. Иныхъ чувствъ руководили имъ въ отношеніи бывшаго его друга, князя Михаила Бѣлосельского. Ежедневно онъ припоминалъ что-нибудь и приводилъ факты, которыми надѣялся пролить свѣтъ на темное дѣло короткихъ отношеній царевны Екатерины Ioannovны съ Бѣлосельскимъ. Такъ онъ донесъ: 1) Что царевна жаловала князю свои сорочки. 2) Что дочь князя Якова Лобанова, княгиня Александра Долгорукая, говорила Бѣлосельскому, когда тотъ отсталъ отъ двора Екатерины Ioannovны: «что-де матка моя отвѣдать что-ли изволила, да не полюбился, такъ и ненадобенъ стать?.. 3) Что Столѣтовъ, по просьбѣ Бѣлосельского, писалъ ему на-черно письмо къ царевнѣ, которое Бѣлосельский напечаталъ «слишкомъ чиновнымъ» и самъ написалъ другое. 4) Что Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ присутствовалъ въ сенатѣ при избраніи императрицы Анны Ioannovны. Онъ умеръ весною 1730 года, Бѣлосельский же говоритъ, что раньше.

На разспросахъ князь Михаилъ Бѣлосельский показалъ противъ этихъ пунктовъ: 1) Никогда. 2) Ни отъ кого подобныхъ рѣчей не слыхивалъ. 3) Столѣтовъ писалъ мнѣ черновое прошение на имя царевны обѣ опредѣленіи меня въ Измайловскій полкъ на службу. 4) Былъ-ли живъ, или нѣтъ Мусинъ-Пушкинъ въ 1730 году, мнѣ до того и нужды нѣтъ.

На очныхъ ставкахъ опять каждый стоялъ на своемъ....

V.

Старое дѣло Преображенскаго приказа.— Допросы Елагина и Жолобова.— Пытки Столѣтова.— Его послѣднія призванія.— Приговоръ.

На одномъ изъ предыдущихъ допросовъ, оговаривая князя Бѣлосельского, Столѣтовъ упомянулъ обѣ одномъ дѣлѣ Преображенскаго приказа, въ которомъ князь былъ замѣшанъ. По распоряженію Ушакова, Тайная канцелярія снеслась съ бывшимъ Преображенскимъ приказомъ, затребовавъ отъ него справку: въ 1728 или въ 1729 году какое въ ономъ приказѣ дѣло касалось

до поручика морского флота, князь Михаила Бѣлосельского, и что по тому дѣлу было учинено?

По справкамъ оказалось, что 21-го января 1729 года въ приказъ былъ приведенъ, при доношениі дѣйствительнаго тайного советника генераль-маюра князя Бориса Ивановича Куракина, жены его, княгини Маріи Федоровны, бывшій земскій дьячекъ Димитрій Зерновъ. Въ доношениі было сказано, что Зерновъ, находясь 19-го января въ подмосковной вотчинѣ княгини Куракиной, село Алешки, подъ карауломъ, сказалъ за собою «государево дѣло», о которомъ подлежитъ объявить въ первовномъ тайномъ совѣтѣ. Дѣло это заключалось въ слѣдующемъ. Въ январѣ 1728 года княгиня Марія Куракина пріѣхала изъ Петербурга съ дочерью своею, княжною Екатериною. Въ то же время, проживавшая у нея въ домѣ жена бывшаго стряпчаго, Василиса Михайловна Дудорина, сидя за ужиномъ съ Зерновымъ, передала ему, что княгиня и княжна съ княземъ Михаиломъ Бѣлосельскимъ говорили про его императорское величество непристойныя слова, а именно, что-де въ Петербургѣ въ ихъ домѣ государь былъ и присыпалъ по нихъ свои сани. А князь Михаило Бѣлосельский къ тѣмъ словамъ говорилъ: «развѣ вамъ что безъ меня припало, а при мнѣ вамъ рядъ былъ... Полно, княжна, ты не слюбилась-ли съ государемъ?». А княжна Екатерина отвѣтила на тѣ слова: «есть, батька, кого и любить!». На очной ставкѣ съ Зерновымъ, Дудорина подтвердила истину своихъ словъ, сказавъ, что разговоръ господъ, кромѣ ее, Василисы, подслушали еще: дворовая жонка, Федосья Маркова, да дѣвки: Мавра Михайлова и Акулина Андреева. Показанныя Дудориной свидѣтельницы отозвались совершеннымъ незнаніемъ, а княгиня, княжна и Бѣлосельский сказали на допросѣ, что такихъ непристойныхъ словъ никогда не говорили. За этотъ ложный извѣтъ жонка, Василиса Михайлова, по резолюціи правительствующаго сената, была бита кнутомъ, а дьячекъ былъ отправленъ въ московскую губернскую канцелярию къ розыску.

Это дѣло, вызванное изъ архивовъ на свѣтъ Божій по милости Столѣтова, не только не компрометировало Бѣлосельского, но скорѣе служило доказательствомъ его умѣнья выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Продолжая обви-

нять князя, Столътова сознался и въ своихъ грѣховныхъ помысленіяхъ по поводу сообщенной ему Бѣлосельскимъ тайны о чувствахъ къ сему послѣднему царевны Екатерины Ioанновны, а къ Бирону Анны Ioанновны. «Подумалъ я», сознался Столътова, «что оное смертный грѣхъ... какъ отъ живаго мужа жену, или отъ живой жены мужа взять!»

— «И въ мысль то не приходило и никогда того не бывало!.. повторялъ Бѣлосельский на очныхъ ставкахъ.

Гофмейстера Андреяна Елагина, нарочно вызванного изъ Москвы, разспрашивали 11-го марта 1736 г.

— «Егора Столътова знаю», показалъ онъ, «но друженье съ нимъ никогда не было. Просилъ-ли меня Столътова о мѣстѣ въ придворной конторѣ — не помню. О любви къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ народа и князя Василья Долгорукова я никогда Столътову не говорилъ. Ни особенныхъ разговоровъ, ни переписки я съ нимъ никогда не имѣлъ».

15-го марта, по распоряженію Ушакова, былъ вызванъ въ тайную канцелярію Иванъ Балакиревъ, знаменитый шутъ двора Анны Ioанновны.

— «Егора Столътова знаю», показалъ онъ, «мы вмѣстѣ съ нимъ жили при Виллимѣ Монсѣ; вмѣстѣ были сосланы въ Рогервикъ: я — на три года, а Егоръ — на десять лѣтъ. По возвращеніи изъ Рогервика, дружбы со Столътовымъ я не водилъ: иногда онъ только приходилъ ко мнѣ обѣдать. Просилъ-ли онъ меня о мѣстѣ при дворѣ государыни царевны Екатерины Ioанновны — не могу припомнить, если же онъ когда и просилъ меня о томъ — я никогда представительства обѣ его опредѣленій не имѣлъ. Что онъ говоривалъ мнѣ о невыдачѣ жалованья при дворѣ цесаревны (Елизаветы Петровны) это правда, и я еще при этомъ совѣтовалъ ему опредѣлиться куда-нибудь въ коммиссію. О томъ, что царевна Екатерина Ioанновна опасается въ Петербургѣ юхать ради того, что Архиповичъ говорить, будто она въ Петербургѣ скончается,— ни Столътову и никому я не говоривалъ. Долженъ-ли мнѣ онъ что-нибудь — не помню».

На очныхъ ставкахъ между Столътовымъ и Балакиревымъ пререканій не было.

Хотѣли послѣ того вызвать въamerъ-юнгферу Анну Пикъ, бывшую замужемъ за мундшенкомъ Ефимомъ Бахтѣевымъ,

но по справкамъ оказалось, что Анна Пикъ уже второй годъ какъ умерла. Принялись за живыхъ. 17-го марта былъ разспрашиванъ вызванный изъ Сибири и заключенный въ Петропавловскую крѣпость статскій советникъ Алексѣй Жолобовъ. Послѣ всѣхъ этихъ ябедниковъ, лгуновъ и клеветниковъ, эта благородная, откровенная личность выказалась въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ въ своихъ показаніяхъ.

— «По присылкѣ Столѣтова изъ Москвы въ Иркутскъ, я отправилъ его на Нерчинскіе серебряные заводы. Впослѣдствіи, въ бытность мою тамъ и видя нищету Столѣтова, я далъ ему 20 рублей денегъ, камки, свой атласный камзолъ, да шапку; принималъ его у себя къ обѣду и къ ужину. Въ карты я съ нимъ игралъ; о томъ, сколько у цесаревны деревень и кто ими править — я у Столѣтова спрашивалъ, равно какъ и о томъ, что у нея, я чай, Арцыбушевъ обогатился. О печали герцога Голштинского по его супругѣ Аннѣ Петровнѣ, о ласкѣ молодаго принца я говорилъ и плакалъ по Аннѣ Петровнѣ, помня милости ко мнѣ ея родителя, Петра Великаго. О томъ, часто-ли цесаревна пишетъ къ герцогу, я Столѣтова спрашивалъ. Говорилъ я и еще о графѣ Биронѣ, какъ онъ Божію милостію и ея императорскаго величества взысканъ. Такова-то милость Божія. Во время, этого Бирона въ бытность въ Ригѣ комиссаромъ бывалъ, а нынѣ радъ бы тому быть, чтобъ его сіятельство узналъ меня. Хоть не ради чего, только чтобъ зналъ. И есть у меня курьезная вещица: 12-ть чашечекъ орѣховыхъ, одна въ одну вкладывается; прямая вещица такому графу — вѣдь ему золото и серебро не нужно! Еще за-просто припомнить я и говорилъ Столѣтovу, какъ въ Ригѣ при покойномъ генералѣ Репнинѣ, будучи на ассамблѣй, сталъ онъ Биронъ изъ-подъ меня стуль братъ, а я, пьяный, толкнулъ его въ шею и онъ сунулся въ стѣну. О взяткѣ въ триста рублей по дѣлу Бѣлокопытова я Столѣтovу говорилъ и деньги ему показывалъ. Я же сказалъ ему и о смерти князя Василья Долгорукова, близъ Шлютенбурха (Шлиссельбурга). Тогда о томъ въ Иркутскѣ ходила молва».

17-го марта, по высочайшему повелѣнію, Иванъ Балакиревъ отъ суда былъ вовсе освобожденъ; за то, черезъ девять дней (26-го числа), ея императорское величество изволила указать: «Егора Столѣтova допрашивать на крѣпко и для очныхъ

ставою приводить въ застѣнокъ оговоренныхъ имъ: Бѣлосельскаго, Елагина и Нестерова».

13-го апрѣля Столѣтовъ заболѣлъ и, желая исповѣдаться, потребовалъ священника. Къ нему прибылъ священникъ церкви св. Петра и Павла, отецъ Григорій Федоровъ. Послѣ исповѣди, по приказу Ушакова, страдалецъ былъ спрашиванъ, чтобы показать истину.

— «Все, что я прежде показывалъ — все истинно!» отвѣчалъ Столѣтовъ.

Пытали его 7-го апрѣля и 10-го мая 1736 г. Черезъ два дня послѣ этой послѣдней пытки, истерзанный, измученный, Столѣтовъ вторично попросилъ духовника. Священнику Григорію Федорову Ушаковъ поручилъ: по сообщеніи преступнику Святыхъ Таинъ, донести въ тайной канцеляріи, не припомнилъ ли Столѣтовъ чего? Подтверждая всѣ свои прежнія показанія, несчастный повинился еще: 1) Въ томъ, что въ Нерчинскѣ, подавая милостину нищимъ, говорилъ, чтобы они молились за цесаревну Елизавету Петровну. 2) Во время голода въ Нерчинскѣ, Столѣтовъ ропталъ на государыню императрицу за скудное содержаніе, ему опредѣленное, шесть копѣекъ въ день; а четверть муки продавалась по 12-ти рублей. 3) Въ Москвѣ, въ домѣ Елагина, Столѣтовъ слышалъ о немилости, въ которую впалъ Александръ Румянцевъ за то, что онъ о курляндцахъ упоминалъ. 4) О присягѣ Долгорукова, равно какъ и о службѣ нѣмцевъ при императрицѣ, Столѣтовъ отъ зата своего, Нестерова, никогда ни слова не слышалъ. 5) До ссылки своей Столѣтовъ былъ въ домѣ у Ивана Балакирева и тотъ говорилъ ему о государынѣ цесаревнѣ: «боярыня-то ваша, кажется, на меня сердится, и ежели изволить прѣѣхать къ государынѣ царевнѣ Екатеринѣ Ioannovnѣ, я могу повыговорить!» По этимъ словамъ Столѣтовъ помыслилъ: «не черезъ онаго-ли Балакирева, причина ссылки Шубину учинилась и не за то-ль на Балакирева государыня цесаревна сердится?» Въ другое время, у себя же на квартире, Балакиревъ говорилъ Столѣтову на-единѣ: «миѣ-было, Егоръ, попадала птичка, да не умѣлъ ловить!» Къ чему онъ это говорилъ, Столѣтовъ не знаетъ, но ему пришло на мысль, что государыня царевна Екатерина Ioannovna не соизволила-ль принять въ особливую свою милость онаго Балакирева? 6) Когда государыня императрица изъ Кур-

ленді писала письма цесаревнѣ, то заключала ихъ тако: «вѣрная ваша сестра». Столѣтова, негодуя, мыслилъ: «вѣрная ваша сестра, а опредѣленныхъ государынѣ цесаревнѣ 30,000 рублей не изволить жаловать!»

Эти признанія были выжаты изъ Столѣтова чуть-ли не съ насгѣдными каплями крови. Дальнѣйшихъ допросовъ ему не чинили. Именной указъ, рѣшившій судьбу Столѣтова и имъ оговоренныхъ лицъ, состоялся 11-го июля 1736 г. Указомъ тѣмъ опредѣлено было: Столѣтова казнить смертю; Бѣлосельскаго сослать на вѣчное житѣе въ Оренбургъ и быть тамъ при строеніи судовъ; Елагина держать подъ карауломъ пока не будутъ доправлены имѣющіяся на дворцовыхъ волостахъ недонимки, въ упущеніи которыхъ онъ виновенъ; женѣ Нестерова учинить наказаніе плетьми нещадно и вмѣстѣ съ мужемъ сослать въ Оренбургъ, гдѣ его, Нестерова, опредѣлить на службу¹⁾.

Черезъ пять мѣсяцевъ (28-го декабря 1736 года) состоялся приговоръ и объ остальныхъ преступникахъ по дѣлу Столѣтова: Тимофея Бурцова лишить награжденія, слѣдующаго ему за показанія, открывшаго важныя вины Столѣтова и отпустить, по прежнему, въ Сибирь. Осипа Ипатьева, вымогавшаго, по порученію Жолобова, взятки отъ Бѣлокопытова, вмѣсто кнута, быть плетьми нещадно. Мирона Вистицкаго за нѣкоторыя слова быть батогами нещадно и отпустить въ Сибирь. Сержанта Федора Переводчикова наказать плетьми; солдата Никиту Растрокова опредѣлить въ нерегулярную службу или на пашню.

Объ Алексѣѣ Жолобовѣ въ указѣ не упомянуто и неизвестно: возвратился-ли онъ въ Сибирь, скончался въ крѣпости, или пропалъ безъ вѣсти. Его воспоминанія о молодости Бирона, котораго Жолобовъ «бивалъ», будучи комиссаромъ въ Ригѣ, и какъ-то толкнулъ на ассамблѣю подъ пьяную руку, едва-ли показались пріятны мстительному временщику.

VI.

Казнь:

12-го июля 1736 г. Столѣтову прочитано давно ожидаемое имъ рѣшеніе судьбы:

¹⁾ Приговоръ по дѣлу Столѣтова впервые напечатанъ въ «Чтенияхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» (Москва, 1864 г., кн. I, Смѣсь, стр. 8—10).

«Въ прошломъ 1731 году Егоръ Столѣтовъ съ нѣкоторы-
ми людьми явился въ жестокихъ государственныхъ преступле-
ніяхъ, не токмо противъ высочайшей ея императорскаго вели-
чества персоны, но и въ поврежденію общаго покоя и бла-
гополучія касающихся, въ чемъ обличены и сами признались, а
потомъ и съ розысковъ въ томъ утвердились,— за которыхъ зло-
умышленный преступленія, по всѣмъ государственнымъ правамъ,
артикуламъ и указамъ приговоренъ былъ онъ, Столѣтовъ, съ
прочими въ смертной казни; но ея императорское величество,
изъ высочайшей своей милости, отъ той смертной казни всеми-
лостиейше свободить соизволила, и посланъ былъ онъ, Столѣ-
товъ, въ вѣчную работу въ Сибирь, на Нерчинскіе заводы, о
чемъ въ печатномъ манифестѣ, объявленномъ во всенародное
извѣстіе въ означенномъ 1731 году, декабря 23-го дня, показано
именно; но онъ Столѣтовъ, и по ссылкѣ на вышеобъявленные
 заводы, не токмо чтобъ отъ такихъ злодѣйственныхъ своихъ по-
стуниковъ воздержаніе въ себѣ имѣлъ, но еще великіе, измѣнни-
ческіе, злодѣйственные замыслы въ мысли своей содержалъ и нѣ-
которыя скрытныя рѣчи дерзнуль другимъ произносить и грозить,
тако-жъ и въ прочихъ преступленіяхъ явился, какъ о томъ по-
дѣлу явно, въ чемъ самъ онъ, Столѣтовъ, съ розысковъ винился;
того ради, по указу ея императорскаго величества, по силѣ госу-
дарственныхъ правъ, велико онаго, Столѣтова, казнить смертью—
отсѣчь голову».

Выслушавъ свой смертный приговоръ, Столѣтовъ исповѣдался
и пріобщился Св. Таинъ. Эшафотъ немногимъ опередилъ есте-
ственную его смерть вслѣдствіе пытокъ. Онъ былъ обезглавленъ
12-го іюля 1736 года на Петербургской сторонѣ, у нынѣшняго
Александровскаго рынка, на площади Сытнаго рынка, обычнаго
мѣста публичныхъ казней во время бироновскаго правительства.
Соответствовало-ли название «сытнаго», данное рынку, въ отно-
шениі народнаго продовольствія — про то Богъ вѣдаеть; вѣрно
только то, что оно гармонировало съ печальнымъ назначениемъ
площади: здѣсь правосудіе стараго времени дѣйствительно на-
сыпалось кровью и праваго, и виноватаго. Здѣсь, на эшафотѣ,
пали головы Волынскаго, Еропкина, Хрущова 27-го іюня
1740 года; здѣсь обыкновенно непощадно били кнутами и плетьями....

Вообще на Сытномъ рынке въ первое пятидесятилѣтіе XVIII вѣка было дешево мясо—человѣческое.

Обезглавленный трупъ Столѣтова былъ отданъ, подъ росписку, причту церкви Спаса Преображенія, что на Петербургской сторонѣ, для погребенія по обряду христіанскому. Эта церковь находится на берегу Малой Невки, по Большой Спасской улицѣ. Въ теченіе ста тридцати-семи лѣтъ произошло много перемѣнъ въ этой уединенной, низменной мѣстности: наводненья, пожары, новые постройки измѣнили ее; самая церковь была неоднократно подновляема, а когда-то обширная ея ограда, раздѣленная впослѣдствіи на участки, была распродана по мелочамъ частнымъ владельцамъ. Лѣтъ десять тому назадъ, при рытіи фундаментовъ для новыхъ строеній, тамъ найдено было въ земль несколько гробовъ съ человѣческими остатками въ кандалахъ; быть можетъ, въ числѣ ихъ были останки и злополучнаго Столѣтова....

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Бурцовъ, Татищевъ и Жолобовъ

въ дѣлѣ Егора Столѣтова, 1733—1736 гг.

I.

Въ статьѣ «Егоръ Столѣтовъ» («Русская Старина», изд. 1873 г., т. VIII стр. 1—28) управитель Нерчинскихъ заводовъ (заводскій комиссаръ) Тимоѳей Бурцовъ выставленъ какъ бы гонителемъ сосланного на тѣ заводы Столѣтова и вообще приведены заключенія не вполнѣ вѣрныя о нравственной личности этого заводскаго комиссара.

Вотъ вполнѣ точныя свѣдѣнія о Бурцовѣ. Родился онъ при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ, около 1679 г.¹⁾, и происходилъ изъ сословія, которое менѣе всего могло проникнуться духомъ бироновщины и которого самыя реформы Петра Великаго коснулись весьма мало,—изъ посадскихъ людей отдаленнаго отъ столицы города Соликамска. Въ школахъ, заведенныхъ Петромъ на европейский ладъ, онъ не учился, въ военной службѣ не служивалъ, въ столицахъ не бывалъ. Въ 1713 г. верхотурскій воевода Траханіотовъ опредѣлилъ его прикащикомъ на Алапаевскіе казенные желѣзные заводы, находившіеся въ Верхотурскомъ уѣздѣ; кромѣ управления заводами, велико было ему построить при нихъ и пустить въ ходъ казеннуу винокурню (вѣроятно, Бурцовъ занимался этимъ дѣломъ и прежде). Въ 1718 г. онъ, по указу сибирскаго губернатора кн. Гагарина, назначенъ управителемъ Уктусскаго желѣзного и мѣднаго завода (близъ нынѣшняго Екатеринбурга) съ титуломъ комиссара. Въ 1723 г. посланъ, по распоряженію бергъ-коллегіи, управлять Нерчинскимъ сереброплавильнымъ заводомъ²⁾. Года черезъ два потомъ присланъ былъ на Нерчинскій

¹⁾ Личность Бурцова мнѣ хорошо известна по хранящимся въ Екатеринбургскомъ горномъ архивѣ стариннымъ дѣламъ Уктусскаго завода, сибирскаго оберъ-бергамта и канцелярии главнаго заводовъ правленія. Въ переписной книжкѣ жителей Уктусскаго завода 1722 г. значится: «комиссарь Бурцовъ 43 лѣтъ».

Н. Ч.

²⁾ Нерчинскій заводъ построенъ въ 1704 г. въ Нерчинскомъ уѣздѣ, отчего и получилъ свое название, хотя отъ города Нерчинска находится въ раз-

заводъ новый управитель—гиттенфервалтеръ Дамесь, изъ шведскихъ пѣнинъковъ, который долго, впрочемъ, завѣдывалъ только технической частью на заводѣ и рудникахъ, административна же, канцелярскія и счетныя дѣла оставались, по прежнему, въ вѣдѣніи Бурцова.

Неполучившій никакого научного образованія, Бурцовъ былъ, однако-же, человѣкъ весьма умный, расторопный, хорошо привыкшій къ заводскому дѣлу. Эти достоинства его хорошо цѣнили главные командиры заводовъ Геннинъ и Татищевъ. Онъ пользовался также дружбою иуваженіемъ Акинея Демидова, знаменитаго строителя многихъ заводовъ на Уралѣ и человѣка довольно неуживчиваго. Два прошенія мастеровъ Уктусскаго завода, поданныя Геннину въ 1722 г., указываютъ, что Бурцовъ дѣйствительно бывалъ очень жестокъ въ обращеніи съ рабочими. Но это была не систематическая жестокость нѣкоторыхъ нѣмецкихъ командировъ бироновскаго времени и русскихъ подражателей имъ, а скорѣе порывы дикаго самоуправства, столь свойственнаго и людямъ до-Петровской Руси, которымъ попадала въ руки власть. Впрочемъ, пересмотрѣвши весьма многія дѣла сибирскаго оберъ-бергамта, я не нашелъ, послѣ 1722 г., ни одного документа, который бы свидѣтельствовалъ о жестокомъ обращеніи Бурцова съ подчиненными. Вѣроятно, онъ по первыи двумъ жалобамъ получилъ внушиительное наставленіе отъ Геннина, заставившее его сдерживать свои порывы личнаго произвола.

Въ отношеніи же къ Столѣтову Бурцовъ никакъ нельзѧ обвинить ни въ жестокости, ни въ придиркахъ. Столѣтовъ, по имѣнному указу, назначенъ былъ въ вѣчную работу на заводахъ—и однако-же, не работалъ; не долженъ былъ никакуа отпускаться съ завода—и однако-же, Ѳѣздило по окрестнымъ селеніямъ и живалъ въ Иркутскѣ у Жолобова. Столѣтова не слѣдовало, по закону, допускать въ компанию съ добрыми людьми¹)—а Бурцовъ и самъ бывалъ съ нимъ въ компаніяхъ, и даже къ себѣ приглашалъ его къ столу въ торжественные дни. Стало быть, со стороны Бурцова не было притѣсненій Столѣтovу, а напротивъ, были послабленія. Ни вице-губернаторъ, ни тѣмъ менѣе воевода нерчинскій не могли требовать отъ него такихъ послабленій ссыльно-рабочему, потому что яи толь, ни другой не были для него начальствомъ: какъ управитель завода, Бурцовъ былъ подчиненъ, вмѣстѣ со всѣми рабочими па заводѣ и на рудникахъ, ссыльными и не ссыльными, не губернскому начальству, а сибирскому оберъ-бергамту и главному командиру сибирскихъ и уральскихъ заводовъ, находившимся въ Екатеринбургѣ (главнымъ командиромъ заводовъ въ 1733 г. и до осени 1734 г. былъ еще Геннинъ), и государственной бергъ-коллегіи въ Петербургѣ. Но, безъ сомнѣнія, эти послабленія Бурцовъ дѣлалъ все-таки не изъ мягкосердія, а просто по трусости: вице-губернаторъ-де Жолобовъ²), хотя и не начальникъ, а все-таки человѣкъ.

стояніи не менѣе 260 verstъ. Придавали ему также название Аргунскаго—отъ протекающей вблизи реки Аргуни. Кромѣ того, такъ какъ въ этой мѣстности жилъ прежде народъ Дауры, то нерчинскіе заводы иногда назывались также и Даурскими или заводами въ Даурахъ.

Н. Ч.

¹⁾ Полн. Собр. Зак. № 8,534, генеральный регламентъ коллегій 28-го февраля 1720 г., глава LIII: «О шельмованныхъ и на публичномъ мѣстѣ наказанныхъ».

²⁾ Жолобовъ, съ званіемъ вице-губернатора, управлялъ обширной тогдашней Иркутской провинціей Сибирской губерніи; ему подчинены были воеводы:

вѣкъ сильный, богатый, чиновный — штатскій совѣтникъ, и если захочеть, всегда можетъ повредить ему, человѣку маленькому, не плюхетнаго даже происхожденія. Да и обстоятельства Столѣтова легко могли бы измѣниться въ случаѣ какихъ-либо важныхъ перемѣнъ въ Петербургѣ, столѣ вѣроятныхъ въ то время: опять, пожалуй, будетъ онъ въ спѣѣ при важныхъ особыхъ — своихъ прежнихъ милостиивцахъ. А съ другой стороны, оказывая послабленія Столѣтovу, Бурцовъ долженъ былъ находиться въ постоянномъ страхѣ: иу, что если какой недовольный имъ подчиненный вдругъ крикнетъ за собой государево слово и дѣло, а потомъ донесеть на него, Бурцова, что онъ даетъ потачу важному государственному преступнику, водить съ нимъ компанию, разговариваетъ съ нимъ и, быть можетъ, слушаетъ его разсказы о предистахъ, тайности подлежащихъ? Вѣдь тогда не миновать бѣдному Тимоѳею Матвеевичу невольной поѣздки въ столицу подъ крѣпкими карауломъ, не миновать застѣнка и розыска въ тайной канцеляріи, а потомъ публичнаго наказанія и ссылки. И это еще милостиво: онъ могъ бы, пожалуй, поплатиться головой своей за Столѣтова. Что такія опасенія со стороны Бурцова были бы совершенно основательны, доказываетъ одинъ, нѣсколько болѣе поздній, примѣръ.

Въ 1736 г. въ Березовъ присланъ былъ для допрашиванія сосланныхъ туда князей Долгорукихъ маюры Петровъ, который потомъ пѣтилъ надзоръ за ними. Въ 1738 г. канцеляристъ Тишинъ, находившійся въкоторое время при Петровѣ, донесъ: «ссыпалъ-де онъ, Тишинъ, отъ князя Ивана Долгорукаго бранныя рѣчи про императрицу и про цесаревну Елизавету Петровну, и отъѣхъ рѣчахъ, а также и о томъ, что Долгорукіе содержатся въ Березовѣ не крѣпко, сказывалъ маюру Петрову; но тогъ никуда не донесъ объ этомъ». Началось изслѣдованіе, по которому открылось еще, что разъ, на Пасхѣ, семейство Петрова было въ гостяхъ у Долгорукихъ и иногда получало отъ нихъ подарки, впрочемъ, весьма незначительные (напримѣръ, блюдо кренделей, вѣръ, аршинъ голландскаго полотна, дѣтскую рубашку и проч.). И за такія преступленія несчастный Петровъ подвергся смертной казни! Но еще ранѣе, въ 1737 г., нѣсколько жителей города Березова, въ томъ числѣ три священника и дьяконъ, биты были плащами и батогами и сосланы въ другія мѣста лишь за то, что бывали у Долгорукихъ и ихъ къ себѣ принимали.

Спрашивается теперь: могъ-ли ожидать пощады Бурцовъ, если бы открылась такъ-называемая въ статьѣ «Егоръ Столѣтовъ» не смѣлость его притѣснить Столѣтова, о которомъ въ печатномъ манифестѣ, 23-го декабря 1731 г., оглашено, что «онъ явился въ вѣкоторыхъ жестокихъ государственныхъ преступленіяхъ, не только противъ высочайшей персоны самой императрицы, но и къ поврежденію государственного общаго псковъ и благополучія касающихся, въ чемъ обличенъ и самъ признался; что онъ министрами и генералитетомъ, собранными для суда надъ нимъ и надъ вѣкоторыми другими лицами, приговоренъ къ смертной казни и лишь, по милосердію государыни, сосланъ, съ лишеніемъ всѣхъ чиновъ и имѣнія, въ вѣчную работу на Нерчинскіе заводы»¹⁾.

селенгинскій, нерчинскій, илимскій, якутскій и начальники Охотска и Камчатки. Хотя онъ, въ свою очередь, былъ подчиненъ сибирскому губернатору и губернской канцеляріи, но, по отдаленности Тоболска, эта подчиненность была почти номинальною.

Н. Ч.

¹⁾ Манифестъ 23-го декабря 1731 г. Полн. Собр. Зак. № 5,916.

II.

Изъ подробностей и разсужденій въ той же статьѣ о Столѣтова (стр. 7) можно подумать, что Бурцовъ изъ Нерчинскаго же завода послалъ донесеніе о Столѣтова и что Татищевъ какъ бы обрадовался представившемуся ему случаю потешествовать и самовольно приступилъ къ розыску по дѣлу, вовсе не подлежавшему его вѣдѣнію. Но, какъ видно изъ мѣстныхъ материаловъ, дѣло было не совсѣмъ такъ.

Бурцовъ никакого доноса на Столѣтова не послалъ. Вышеупомянутая угроза Столѣтову была сдѣлана иль 3-го февраля 1733 г. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ мая Бурцовъ отправился, по указу главнаго командира заводовъ Генина, строить желѣзный заводъ въ окрестностяхъ Иркутска, на рѣчкѣ Тельмѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уволенъ отъ должности верчинскаго заводскаго комиссара. При этомъ строеніи онъ пробиралъ до конца 1733 г. Заводъ предначинался для снабженія желѣзными припасами такъ-называемой камчатской морской экспедиціи. Но, по общему опредѣленію командира экспедиціи Беринга и генерала Генина, состоявшему 29-го ноября 1733 же года въ Екатеринбургѣ, постройку вѣдьмо было остановить, а вмѣсто того завести не большой желѣзный заводъ вблизи Якутска. Бурцовъ, за старостію и болѣзнями, отъ этого порученія уволенъ, и вѣдьмо ему пріѣхать въ Екатеринбургъ, куда онъ и прибылъ лѣтомъ 1734 г.

Назначенный на мѣсто Генина, новый главный командиръ заводовъ—Татищевъ, по пріѣздѣ своемъ на Ураль, въ октябрѣ 1734 г., засталъ Бурцова, живущаго въ Уктуускомъ заводѣ, не у дѣла. Татищевъ, хорошо знавший Бурцова въ первое пребываніе свое на Уралѣ, и теперь старавъ воизлагать на него различные порученія, требовавшия знакомства съ мѣстными условиями края и практическихъ познаній въ горнозаводскомъ и строительномъ дѣлѣ.

Разъ, въ декабрѣ 1734 г., въ частномъ разговорѣ съ Бурзовыми о Нерчинскихъ заводахъ, Татищевъ услышалъ отъ него кое-что и о Столѣтовой. Но сообщенія были такого рода, что ему, какъ главному командиру, открытиюенному за все, чѣмъ происходитъ на заводахъ, оставить ихъ безъ вниманія было невозможно. Съ другой стороны, дѣло это принадлежало къ числу вѣдомыхъ и тайной канцелярии розыскныхъ дѣлъ, съ которой ни Генинъ, ни Татищевъ (да вѣроятно, и всѣ лучшіе изъ тогдашнихъ начальниковъ) имѣть сношенія не любили. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Татищевъ, не распрашивая подробнѣ Бурцова и не дѣла никакого распоряженія о высылкѣ въ Екатеринбургъ Столѣтова и о допросѣ его, 12-го декабря, черезъ шесть дней послѣ разговора съ Бурзовыми, отправилъ на Нерчинскіе заводы къ управителю Дамесу указъ такого содержанія¹⁾:

«Увѣдомился онъ, что сославшій на Нерчинскіе заводы въ каторжную работу Егоръ Столѣтовъ, въ работу съ прочими ссылочными не ходить, а болѣе обходится въ компаніяхъ съ управителями и съ другими людьми, которое многимъ печатнымъ указамъ противно, и могутъ (управители) невѣдѣніемъ впасть за то въ наказаніе. Поэтому подтверждается Дамесу, чтобы осужденныхъ въ вѣчную работу всѣхъ равно содержать непрестанно въ работѣ и

¹⁾ Въ Екатеринбургскомъ горномъ архивѣ дѣла канцелярии главнаго заводовъ правленія, № 443: «Письма о заводскомъ распоряженіи 1734 г.». Н. Ч.

обхождение съ честными людьми, по 53-й главѣ генерального регламента, за претить и надѣять ими наскрѣпко надзирать, чтобы они поступали по учиненному о нихъ учрежденію и непристойныхъ разговоровъ не имѣли; а ежели о томъ что сгѣдѣаетъ (управителъ), то-бы немедленно цисаль къ Татищеву».

Вмѣстѣ съ этимъ узакомъ Татищевъ послалъ Дамесу слѣдующее частное письмо, черновая которого, писанная собственноручно Татищевымъ, сохранилась, однако-жъ, въ архивномъ дѣлѣ:

«Благородный господинъ гиттенфервалтер! Я, увѣдавъ, что вы съ Столѣттовымъ, который осуждены въ вѣчную работу, имѣете обхождение, весьма удивляюсь, что вы себя, въ томъ не остерегая, можете невѣдѣніемъ въ буду впастъ. Того ради вамъ при семъ посланнымъ указомъ подтверждено, по которому поступай неоплошно. Слыши же, яко бы онъ грозить, надѣясь на нѣкоторыхъ своихъ милостивцевъ. И о томъ изволъ, обстоятельно увѣдомлясь, тайно ко мнѣ отписать подлинно, не обываяя о томъ никому, чтобы никто не вѣдалъ. Наипаче же смотри прилежно: не пишеть-ли онъ куда писемъ, чтобы, оныя переназѣ, сюда присыпать. И о семъ пиши, хотя но-нѣмѣцки, токмо самъ, а не подъязыкъ. Слуга вашъ В. Татищевъ».

Но этими распоряженіями нельзя было ограничиться. Могло возникнуть дѣло о Столѣттовѣ въ Сибири, независимо отъ сообщенія ему Бурцова; Бурцовъ могъ быть притянутъ въ тайную канцелярію и при тамошнихъ уѣздительныхъ допросахъ, конечно, сказалъ бы, что въ бытность Нерчинскимъ управителемъ онъ изъ боязни не доносилъ никому о Столѣттовѣ, но потомъ сказывалъ о немъ Татищеву. Тогда возникъ бы непріятный для Татищева вопросъ: зачѣмъ онъ молчалъ? А положеніе самого Татищева, при существованіи нѣсколькоихъ враждебныхъ между собою партій при дворѣ, было довольно шаткое. Онъ и безъ того извѣстенъ былъ за человѣка вольномыслящаго. При первомъ удобномъ случаѣ могли вспомнить, что онъ хотя, при вступленіи императрицы на престолъ, шелъ противъ верховниковъ, ограничившихъ власть императрицы, и доказывать въ составленной имъ запискѣ необходимость въ Россіи самодержавія, но все таки въ той же запискѣ прибавлялъ:

«О государынѣ императрицѣ, хотя мы ея мудростю, благонравiemъ и порадочными правителствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однако-жъ, какъ есть персона женская, къ такъ многимъ трудамъ неудобна; паче же ей знанія замодовъ не достаетъ; для того на время, доколѣ намъ Всеышней мужскую персону на престолъ даруетъ, потребно кѣчто для помоши ея величеству вновь учредитъ».

Вспомнили бы, что Татищевъ былъ редакторомъ готовившагося къ поднесенію императрицѣ отъ имени шляхетства проекта государственного устройства, съ учрежденіемъ, кроме сената, еще нижнаго правительства изъ 100 человѣкъ, съ выборнымъ замѣщеніемъ многихъ высшихъ должностей, и проч...

Побуждаемый, вѣроятно, подобными соображеніями, Татищевъ 16-го декабря 1734 г. отправилъ такое донесеніе самой императрицѣ:

«Вашему императорскому величеству всенижайше доношу:

«Сего декабря 6-го числа въ Долматовѣ монастырѣ, сидачи у меня ввечеру, разговаривая комиссаръ Бурцовъ со мной наединѣ о Нерчинскихъ заводахъ, сказали: есть-де тамо ссылочный Егор Столѣттовъ—совѣсти дьявольской и самый злой человѣкъ. И я, видя, что онъ какъ подъ страхомъ о немъ говорить, спрашивалъ его: что онъ въ томъ Столѣттовѣ примѣтилъ? И онъ сказали, что его

гennaря 28-го и февраля 3-го чиcль не могъ принудить въ церковь идти¹⁾. И какъ я ему сказаъ, что его, какъ ссыльного, можно ко всему принудить. Но онъ сказаъ: «я-де состоянія не знаю, а слыша, что онъ хвалится и грозить тѣмъ, у кого въ домѣ жилъ, что его обиду отмстить, а паче видя, что вице-губернаторъ Жолобовъ обходился съ нимъ дружески и далъ ему денегъ 20 рублей, по которому-де и всѣ его опасаются; и я-де явно оскорбить его не смѣль, а скрытно опредѣлилъ содержать его покрѣпче²⁾!»

«А я, не имѣя о такихъ дѣлахъ отъ вашего императорскаго величества указа, болѣе выспрашивать и его, Столѣтова, сюда для изслѣдованія взять не смѣль; токмо, по объявленному обѣ вихъ печатному указу, не объявляя никому причины, послалъ туда указъ, велѣлъ его опредѣлить въ работу съ прочими и за нимъ смотрѣть накрѣпко гиттенфервалтеру Тамесу (Дамесу), чтобы онъ ничего ненадлежащаго не вралъ; а ежели что отъ него услышить или увѣдѣсть, то немедленно ко мнѣ тайно писаль (бы). И обѣ ономъ, также ежели и о другихъ такихъ непотребныхъ увѣдаю, какъ мнѣ поступить, всеніжайше прошу опредѣлить мнѣ вашего императорскаго величества указомъ.

«Вашего императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни всеніжайшии рабъ Василій Татищевъ³⁾.

Тогда же въ официальномъ письмѣ къ кабинет-министрамъ—графу Остерману и кнізю Черкасскому онъ писалъ:

«Дѣло, о которомъ я при семъ доносилъ ея императорскому величеству, привело меня въ великое сумнѣніе, ибо для касающейся въ томъ персоны опасаюсь, чтобъ ея величеству не явилось противно; умолчать же весьма разсуждаю за бѣдственное себѣ, ибо отъ такого злочитренаго плута можетъ что-либо между такъ простымъ народомъ вредительное произойти. Не меныше же сумнѣнія имѣю и обѣ немъ, что съ нимъ учинить надлежало. И не разсудя лучше, какъ приложеніемъ при семъ указомъ⁴⁾, до повѣтѣй ея императорскаго величества, опредѣлилъ. Того ради прошу вашихъ сіятельствъ, милостивыхъ государей моихъ, ежели я при томъ за невѣдѣніемъ ненадлежаще поступиль, показать ко мнѣ высокую милость и для предбудущихъ та-ковыхъ случаевъ опредѣлить ея императорскаго величества указомъ».

Остальная часть письма уже не относится къ Столѣтovу (въ ней говорится обѣ открытии хорошихъ рудъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ, о распоряженіяхъ для увеличенія выѣзда на Уральскихъ заводахъ желяза и мѣди, о строившемся тогда въ Якутскѣ желязномъ заводѣ и проч.).

¹⁾ 28-го января былъ день рождения императрицы Анны Ioannовны, а 3-го февраля — имавини.

²⁾ Находящееся въ архивномъ дѣлѣ доношеніе это переписано весьма чисто и крупно, на хорошей бумагѣ большаго формата и, очевидно, назначалось быть бѣловымъ; но потомъ рукою Татищева сдѣлано нѣсколько добавленій между строкъ, и ово обращено въ черновое. Между прочимъ, прибавлены (безъ со- мнѣнія, чтобы не ввести въ бѣду Бурдова) и эти слова: «а скрытно опредѣлилъ содержать его покрѣпче».

Н. Ч.

³⁾ Надо полагать, что Татищевъ слышалъ отъ Бурдова гораздо болѣе, чѣмъ говорить въ донесеніи (что отчасти видно и изъ письма къ Дамесу); но въ то время опасно было и слышать обѣ иныхъ вещахъ тому, кто не былъ на это исключительно уполномоченъ.

Н. Ч.

⁴⁾ Говорится обѣ указѣ, посланномъ Дамесу.

Н. Ч.

Дальнѣйшій переписки о Столѣтова въ дѣлахъ горной канцеляріи я не нашелъ. Съ 1735 г. вся дѣла, секретныя и не относящіяся собственно до заводовъ, велись въ домовой канцеляріи Татищева и, вѣроятно, увезены имъ съ собою при отѣзданіи изъ Екатеринбурга въ 1737 году.

Но изъ самой статьи «Егоръ Столѣтова» (стр. 12 и слѣдующія) видно, что Татищевъ на доношение свое о Столѣтовѣ получалъ особый указъ отъ императрицы, о которомъ ничего не знала тайная канцелярія, и что лишь вслѣдствіе этого указа онъ приступилъ къ розыску и вытребовалъ изъ Нерчинскаго завода Столѣтова. Вѣроятно, въ указѣ сказано было, въ какой степени долженъ быть строгъ этотъ розыскъ и чего слѣдуетъ дѣлать у Столѣтова.

Въ началѣ февраля 1735 г., около 8-го числа, Татищевъ поѣхалъ изъ Екатеринбурга въ Тобольскъ. Съ дороги онъ писалъ, 10-го февраля, изъ деревни Бѣлейки (на большомъ сибирскомъ трактѣ, въ 77 верстахъ отъ Екатеринбурга), товарищу своему по управлению заводами совѣтнику Хрущову, чтобы онъ немедленно отправилъ въ Тобольскъ комиссара Бурцова и съ нимъ прислать бы карту заводовъ. Въ припискѣ къ письму сказано: «Ежели есть о чёмъ писать въ Аргунъ (т. е., на Нерчинскій заводъ), изволь при томъ же послать, ибо я пошлю курьера туда».

Судя по этому, надо полагать, что, по отѣзданіи Татищева, въ числѣ другихъ бумагъ на его имя были приланы изъ столицы и отправлены вслѣдъ за нимъ и указъ императрицы о начатіи розыска надъ Столѣтовымъ, и что Татищевъ за нимъ-то и предполагалъ отправить изъ Тобольска курьера. Да и въ статьѣ «Егоръ Столѣтова» сказано, что Татищевъ приступилъ къ розыску въ февралѣ 1735 г. и началъ его съ допроса Бурцова.

III.

Судьба вице-губернатора Жолобова видна изъ напечатанного въ «Полномъ Собраниѣ Законовъ» (томъ IX, № 7,009) имманаго указа или, правильнѣе сказать, манифеста (ибо начинается: «Объявляемъ во всенародное извѣстіе...») 9-го июля 1736 г. видно, что Жолобовъ 1-го июля того года (значитъ, ранѣе гибели Столѣтова) казненъ смертію—отсѣчена ему голова. И казненъ онъ не только за покровительство Столѣтову, а и за другія, гораздо важнѣйшія пропавшности, исчисленныя въ указѣ. Онъ сдѣлалъ ложный довось на своего начальника—сибирскаго губернатора Плещеева и помощника его—бригадира Сухарева, обвиняя ихъ въ какихъ-то важныхъ преступленіяхъ по первымъ двумъ пунктамъ; братья большія взяты, иногда вымогая ихъ тюремнымъ заключеніемъ и пыткою; облагая народъ поборами въ свою пользу; за подарки прекращая важныя судѣственныя дѣла; захватывая себѣ въ рабство и посыпая въ другіе города дѣтей инородцевъ; въ противность трактату съ Китаемъ, не выслагая за границу китайскихъ неребѣжниковъ, взявши съ нихъ на четыре тысячи рублей, лошадей и верблюдовъ, которыхъ промѣнялъ по-тому на товары; занимался контрабандой въ обширныхъ размѣрахъ: многіе товары тайно, чрезъ заставы, къ себѣ провозили и въ Москву отпускали и къ свободному тѣхъ товаровъ привозу для запечатыванія брагъ изъ иркутской канцеляріи казенную печать; находясь уже подъ судомъ, возводилъ обвиненія въ различныхъ преступленіяхъ на людей, совершившено невинныхъ.

Существуетъ рукописная «Иркутская Лѣтопись», извлечения изъ которой напечатаны въ «Современникѣ» 1850 или 1851 г., въ статьѣ: «Панорама Ир-

кутевой губерніи». Помнится, тутъ разсказывается и о некоторыхъ дѣйствіяхъ Жолобова.

Словцовъ въ своемъ «Историческомъ Обозрѣніи Сибири» (ч. I, стр. 354) говорить: «Мѣстная губернія, выхваляя Жолобова за знаніе въ дѣлахъ, обвиняетъ его въ алчномъ мздоимствіи и кровожадной жестокости».

Въ указѣ изъ кабинета 22-го июля 1735 г. (Полн. Собр. Зак., № 6,775) упоминается о дѣйствовавшей уже тогда слѣдственной комиссіи о сибирскихъ дѣлахъ и Жолобовъ называется бывшимъ иркутскимъ вице-губернаторомъ. Изъ этого видно, что Жолобовъ удаленъ отъ должности и дѣло о немъ началось гораздо раньше того времени, когда Столыпинъ привезенъ въ тайную канцелярію. Дѣло это должъ о находиться, какъ полагаю, въ сенатскихъ архивахъ.

Н. И. Чупинъ.

Екатеринбургъ.

Москва въ 1812 году.

1.

Село Жолудево. 18-го сентября 1812 г.

Начинаю мою грамоту добромъ и милому соєду Петру Іосифовичу¹⁾ и милостивой государынѣ Авдотѣ Николаевнѣ поздравленіемъ съ новорожденнымъ сыномъ и обонѣ мысленно, душевно объемлю, благодарю за письма и за присылку письмъ, которыхъ приказано отъ меня управляющему, по сдѣланіи, таковое-жъ число въ вами возвратить. Я третьего дня только изъ Рязани возвратился, а по написаніи сего сажусь въ коляску, ѿду въ Ижевское и Касимовъ; когда возвращуся и что узнаю, дамъ вамъ знать, а теперь сообщаю о состояніи Москвы достовѣрныя извѣстія. Въ день входа непріятеля, главнокомандующимъ и губернаторомъ распущены были и отворены остроси находящимся въ окрестахъ преступникамъ, кои, а не французы, грабить и жгутъ наши дома, (что) и по сіе время продолжается. Непріятель мѣзь города,—по снабженіи себя всѣмъ нужнымъ и возможнымъ, оставилъ только два полка въ Кремль гарнизону, — со всѣми силами выступая и стоять корпусами окружно Москвы въ 15-ти и 20-ти верстахъ; а наша армія расположена: главная квартира въ Красной Пахрѣ, въ 86-ти верстахъ отъ Москвы, по калужской дорогѣ; въ 12-ти верстахъ ближе къ Москвѣ отъ Лопасни стоять съ корпусомъ генерал-майора Корфъ, который съ 8-го на 9-е число сего сентября имѣлъ жесточайшее и упорное дѣло съ непріятельскими десятитысячными отрядомъ, въ намѣреніи прорваться и очистить путь всей арміи и проходить на Тулу, Брянскъ и въ Полыши, гдѣ располагается имѣть зимнія квартиры, а въ теперешнемъ мѣстѣ ни оставаться, ни существовать (не) можетъ. Непріятель отбить и прогнанъ; взяты въ полонъ генералъ, нѣсколько штаб-и оберъ-офицеровъ, 500 рядовыхъ и три пушки. На каширской дорогѣ стоять нашъ корпусъ Барклай-де-Толи, отъ Каменного Мачкова; по сю сторону Москвы-рѣки, къ Боломанѣ, стоять корпусъ графа Остермана; отъ главной квартиры вѣво, на Боровской дорогѣ стоять съ корпусомъ Докторовъ, а лѣво его, по верейской

¹⁾ Арбеневу, дѣйствительному камергеру, сыну генерала временъ Екатерины II. См. сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, т. III, VI, стр. 507, 56.

Н. М.